У Пастёра.

(Окончаніе).

Нѣсколько ранѣе присланы были сюда же жена городоваго въ Гатчинѣ съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ двое старшихъ (двухъ и восьми лѣтъ) были искусаны, третьяго же, груднаго, мать прихватила потому, что не на кого было его оставить. Жаль было смотрѣть на эту несчастную мать, запертую въ крошечномъ номерѣ грязненькой гостинницы; дѣти кричали и голосили цѣлый день не переставая и кромѣ того отказывались отъ всякой пищи. „Съ голоду дѣти помираютъ",—жаловалась мнѣ мать, пока ей не стали давать, по моему настоянію, достаточнаго количества молока. Эта семья была на попеченіи молодаго, но совершенно безпутнаго трубача, также укушеннаго тою же бѣшеною собакою въ Гатчинѣ. Вся эта компанія была помѣщена въ Hotel des drands hommes, выходящій къ пантеону. Два раза въ день, въ 11 час. утра и въ 8 час. вечера, ихъ водила къ Пастёру хозяйка гостинницы, бойкая и разбитная француженка, старавшаяся изъ всѣхъ силъ выслужиться предъ нашимъ консульствомъ для того, чтобы у нея помѣщали всѣхъ укушенныхъ. Кстати скажу, что открытіе Пастёра создало особый типъ „мамашъ"—содержательницъ меблированныхъ комнатъ, которыя заручаются въ посольствахъ обѣщаніемъ присылать къ нимъ больныхъ. Онѣ всегда во главѣ цѣлой толпы постояльцевъ являются къ Пастёру и стараются играть роль.

Перехожу къ сущности пастёровскихъ открытій; но такъ какъ это вопросъ уже въ достаточной степени знакомый, то я постараюсь быть краткимъ. Все сводится къ добыванію бѣшенаго яда (дѣло лабораторіи) и къ привитію этого послѣдняго (дѣло пріемнаго покоя). Въ лабораторіи въ небольшихъ клѣткахъ помѣщены кролики различной степени бѣшенства, которое обнаруживается на пятый и шестой день послѣ зараженія и выражается тѣмъ, что бѣдное животное, до того веселое, безпечное, теряетъ аппетитъ и начинаетъ таскать заднія ноги, — явленіе паралича. Этотъ послѣдній на седьмой день дѣлается общимъ и заканчивается подъ конецъ того же дня или на слѣдующій тихою смертью, безъ судорогъ и, что самое главное, *„безъ всякаго стремленія кусаться"*. Замѣчу кстати, что это послѣднее явленіе не составляетъ исключеніе для кролика; напротивъ оно является общимъ для всѣхъ животныхъ и для человѣка. Такимъ образомъ бѣшенство бываетъ двоякое: буйное и тихое, и согласно утвержденію Пастёра *), первое является слѣдствіемъ введенія незначительнаго, сравнительно, количества яда въ кровь, тогда какъ второе является результатомъ сильнаго отравленія. Особенно интересенъ и нагляденъ опытъ, произведенный Пастёромъ въ этомъ направленіи еще въ 1883 г. Подкожными впрыскиваніями заражены были три собаки одновременно: одной было впрыснуто $^1/_2$ куб. сантиметра яда, другой $^1/_{100}$ и третьей $^1/_{200}$ того же количества. Первая собака, сильнѣе всего отравленная, заболѣваетъ на 10-й день, на 18-й она совершенно парализована и затѣмъ издыхаетъ чрезъ 2 дня, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія кусаться. Вторая собака, недостаточно отравленная, заболѣваетъ только на 37 день, на 39 она лаетъ, какъ бѣшеная, и кусается. Третья же собака выздоравливаетъ. Тихое бѣшенство, само собою разумѣется, можетъ быть источникомъ зараженія и тѣмъ болѣе опаснымъ, что проявляясь на собакѣ, оно не внушаетъ ни малѣйшихъ подозрѣній: это такъ называемая „rade mue". Въ этомъ состояніи собака кажется только больною и странною; тѣмъ не менѣе она бѣшена и опасна въ высшей степени.

*) Сообщеніе Пастера французской академіи въ засѣданіи ея 25 февраля 1884 года.

Что касается волка, то у него извѣстно только одно буйное бѣшенство, которое проявляется инстинктивнымъ и непреодолимымъ желаніемъ кусаться. Особенно характеренъ случай съ крестьянскимъ мальчикомъ Смоленской губ. Петромъ Головкинскимъ, который въ числѣ прочихъ смолянъ былъ отправленъ на излеченіе къ Пастёру. Онъ въ сумерки съ тремя товарищами вышелъ изъ города по направленію къ ближайшей деревнѣ, гдѣ былъ какой-то праздникъ. На половинѣ дороги они увидали волка, который бѣжалъ къ нимъ на-встрѣчу. Испугавшись, трое изъ мальчиковъ бросились бѣжать въ городъ, четвертый же, Головкинскій, побѣжалъ къ лѣсу. Волкъ погнался за первыми тремя и одного за другимъ перекусалъ всѣхъ трехъ. Этимъ однако волкъ не довольствуется: онъ бросаетъ искусанныхъ мальчиковъ и пускается въ погоню за Головкинскимъ, котораго настигаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался взлѣсть на дерево. Искусавъ ему все тѣло, волкъ тѣмъ не менѣе не могъ ему помѣшать взобраться на дерево, гдѣ несчастный мальчикъ долженъ былъ просидѣть до утра. Такъ проявляется бѣшенство. Теперь слѣдуетъ вопросъ: въ чемъ суть этого явленія? какъ и гдѣ локализуется тотъ ядъ, который дѣлаетъ собаку опаснѣе ядовитой змѣи? Очевидно, ядовита слюна, но кромѣ того, благодаря изслѣдованіямъ Пастёра, стало извѣстно, что кромѣ слюны ядъ заключается въ нервной системѣ и по преимущесгву въ спинномъ мозгу. Какова форма этого яда? Пастёръ думалъ, а частью держится до сихъ поръ того мнѣнія, что ядъ бѣшенства выражается въ формѣ особаго микроба. Такъ, въ засѣданіи французской академіи отъ 24 января 1882 года онъ сообщалъ слѣдующее. „Кровь бѣшенаго животнаго переполнена микроскопическимъ организмомъ, котораго особенности очень интересны. Этотъ организмъ такъ малъ, что онъ легко ускользаетъ при поверхностномъ наблюденіи; это—коротенькая палочка, перетянутая посерединѣ и потому имѣющая форму цифры 8. Діаметръ каждой половины не превосходитъ одной двухгысячной милиметра". Не смотря на эти довольно положительныя данныя, увы! ни одному изъ послѣдующихъ наблюдателей не удалось видѣть ничего подобнаго, и даже въ концѣ-концовъ самъ Пастёръ почти что отказался отъ своего открытія. Такъ, въ сообщеніи отъ 25 февраля 1884 г. онъ говоритъ слѣдующее: „Если бы вы мнѣ представили бѣшеный на-ряду съ здоровымъ мозгомъ, я съумѣлъ бы на основаніи микроскопическаго изслѣдованія распознать ихъ. Оба представляютъ несчетное число молекулярныхъ зернышекъ (granulations moléculaires); тѣмъ не мнѣе больной мозгъ представляетъ гораздо болѣе мелкую зернистость, которая заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ микробомъ безконечной малости, неимѣющимъ формы ни бацилы, ни перетянутаго микроба: это какъ бы простыя точки". Человѣку мало-мальски знакомому съ микроскопическими изслѣдованіями будетъ изъ приведенныхъ словъ ясно, что Пастёръ—микроскопистъ старой школы и что онъ только желалъ видѣть микроба, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не видалъ.

Въ послѣднее время одинъ швейцарскій ученый Фоль сообщилъ ученому міру, что ему наконецъ удалось найдти микроба, а именно въ спинномъ мозгу бѣшеной крысы*). Но и это наблюденіе еще не достаточно констатировано и нуждается въ строгой провѣркѣ. Итакъ, слѣдовательно, бѣшенство не можетъ идти въ параллель съ различными эпидемическими болѣзнями. Это явленіе sui generis,—въ организмѣ есть какой-то неопредѣленный, съ весьма странными свойствами ядъ. Пастёръ нашелъ повидимому способъ бороться, съ этимъ ядомъ при помощи прививаній. Посмотримъ, въ чемъ логика, въ чемъ теорія этого открытія. Даже поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, что логики тутъ нѣтъ, а потому и теорія до сихъ поръ еще никакой не построено. Судите сами: чрезъ укусъ вводится въ организмъ извѣстное, весьма незначительное количество яда и за тѣмъ къ этому количеству постепенно прибавляется все большое и большое количество того же яда, пока наконецъ при послѣдней инъекціи организмъ ребенка получаеуъ столь интенсивный ядъ, что одной капли его, кажется, было бы достаточно для того, чтобы взбѣсить слона, и въ такомъ количествѣ, что его хватило бы на цѣлое стадо. При оспенномъ прививаніи происходитъ нѣчто совершенно другое: тамъ, во-первыхъ, вводится и, что особенно важно, предварительно ничтожное количество яда, которое тѣмъ не менѣе производитъ реакцію, вызывая въ привитомъ субъектѣ явленія, симулирующія оспеннымъ. Въ случаѣ же гидрофобіи ничего подобнаго нѣтъ: во-первыхъ прививка, слѣдуетъ за зараженіемъ; во-вторыхъ она никакихъ болѣзненныхъ измѣненій, не смотря на страшное количество впрыскиваемаго яда, не вызываетъ. Насколько трудна или даже просто невозможна какая бы то ни было теорія, ясно изъ того, что самъ Пастёръ становится въ этомъ случаѣ въ тупикъ и старается объяснить дѣло слѣдующимъ мало понятнымъ способомъ: „многіе микробы (!) повидимому даютъ начало, при извѣстной культурѣ, особой матеріи, которая вредитъ ихъ собственному дальнѣйшему развитію". Это объясненіе было бы недостаточнымъ, если бы существовалъ помянутый микробъ, а разъ его нѣтъ, то оно не имѣетъ совершенно никакой почвы **). Итакъ, слѣдовательно-теоретически пастёровское открытіе есть пока nonsens. Тѣмъ не менѣе переходя къ фактамъ нужно сознаться, что они очень убѣдительны, но такъ какъ они болѣе чѣмъ извѣстны, то я упомяну о нихъ только вкратцѣ. Наиболѣе убѣдительны, конечно, опыты надъ животными. Такъ, въ засѣданіи 11 декабря 1882 г. Пастёръ сообщалъ, что въ его распоряженіи имѣются четыре собаки, которыя лишены, вслѣдствіе прививокъ, возможности взбѣситься, какъ бы не велика была сила прививаемаго яда. Чрезъ два года у Пастёра было уже 20 такихъ собакъ, въ прошломъ же году число ихъ достигло пятидесяти.

Частные случаи, какъ бы они ни казались поразительными, не могутъ быть вполнѣ убѣдительны; важнѣе статистическія данныя. По настоящее время лѣчилось у Пастёра слишкомъ 1,600 человѣкъ, изъ которыхъ, насколько извѣстно, умерло отъ бѣшенства четыре или пять человѣкъ, тогда какъ прежде изъ шести укушенныхъ умиралъ одинъ.

*) Открытіе это ознаменовалось весьма печальнымъ фактомъ одинъ изъ его ассистентовъ былъ укушенъ бѣшеною крысою и долженъ былъ ѣхать къ Пастеру лѣчиться.

**) Основательнѣе было бы приложить здѣсь гомеопатическій принципъ: малое количество дѣйствительнѣе большаго.